

К 25-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ УРО РАН: ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Свою историю археологические и этнографические подразделения Института истории и археологии УрО РАН ведут с 1988 г., когда была создана группа археологии, которую возглавила к.и.н. В. Д. Викторова. В 1989 г. группа была переименована в сектор, который после значительного пополнения кадрами в 1990 г. был преобразован в Отдел археологии и этнологии (его возглавил к.и.н. И. Б. Васильев, а с 1995 г. — д.и.н. А. Ф. Шорин). В середине 1990-х гг. в структуре Института были созданы два филиала — Южно-Уральский (рук. к.и.н. В. С. Мосин) и Пермский (рук. к.и.н. А. М. Белавин), — разрабатывающих преимущественно археологическую и этнографическую тематику. В 2008 г. на базе Отдела археологии и этнографии было создано три самостоятельных научно-исследовательских сектора — каменного века и археологического источниковедения (рук. к.и.н. Н. М. Чаиркина); археологии эпохи раннего металла (рук. д.и.н. Л. Н. Корякова); этноистории (рук. к.и.н. Е. В. Перевалова), — которые вместе с двумя упомянутыми филиалами образовали Отделение археологии и этнографии Института (рук. д.и.н. А. Ф. Шорин). Сейчас в его штате 1 член-корреспондент РАН (д.и.н. А. В. Головнёв), 8 докторов исторических наук (А. М. Белавин, С. Г. Боталов, А. В. Епимахов, Л. Н. Корякова, Н. Б. Крыласова, В. М. Мосин, А. В. Черных, А. Ф. Шорин) и 10 кандидатов наук, а также 8 сотрудников без ученой степени. Задача Отделения — осуществление мультидисциплинарных исследований и реконструкции различных сторон жизнедеятельности древних и традиционных обществ Урала и сопредельных территорий в контексте истории Северной Евразии, начиная с эпохи среднего и позднего палеолита по настоящее время (этнографические аспекты). Исследования обеспечены значительной источниковой базой, созданной в ходе полевых работ Археолого-этнографической экспедиции ИИиА УрО РАН на территории Урала и Западной Сибири. Наряду с госбюджетным финансированием, разработана система привлечения внебюджетных целевых (гранты различного уровня) и хоздоговорных исследовательских и экспедиционных средств.

Выполнение исследовательских проектов сопрягалось с активным международным сотрудничеством в рамках проектов и договоров, заключенных в разные годы с Евразийским Отделом Германского археологического института, с университетом им. Гете г. Франкфурта-на-Майне, с Национальным центром научных исследований Франции (университеты Рейна и Бордо), с Институтом истории им. Т. Мантэйфэля Польской академии наук (г. Варшава) и др. Сотрудники Отделения археологии и этнографии являются членами различных международных ассоциаций: Европейской ассоциации археологов (ЕАА), Международной ассоциации арктических социальных исследований (IASSA), Международного Северного Исследовательского Форума (Northern Research Forum), Всемирного археологического конгресса (WAC), Ассоциации глобальных исследований (Global Studies Association, GSA), Общества изучения детства в прошлом (The Society for the Study of Childhood in the Past, SSCIP), Финского общества им. М. А. Кастрена и др. Кроме того, Л. Н. Корякова является членом редколлегии международного журнала «Antiquity», А. В. Епимахов — того же издания и журнала «Current anthropology», а С. В. Шарапова — членом редколлегии журнала «Acta EuroAsiatica» (Институт археологии и этнологии РАН, Вроцлавский университет).

Сотрудники Отделения археологии и этнографии ведут активную преподавательскую деятельность в высших учебных заведениях Екатеринбурга, Перми, Челябинска. А. В. Головнёв и Л. Н. Корякова неоднократно приглашались для чтения курсов лекций по археологии и этнографии Северной Евразии в ведущие университеты Европы и Северной Америки, а также для научной работы с иностранными студентами и диссертантами.

За прошедшие 25 лет менялась тематика исследований, состав специалистов, но неизменно в центре внимания творческих коллективов (научно-исследовательских проектов) Отделения оставались три генерированных направления исследований, связанных с археологическим и этнографическим изучением 1) горно-лесного Зауралья, 2) лесостепного и

степного Южного Зауралья и Поволжья, 3) северных территорий Урала и Западной Сибири (Пермский край, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа).¹

Исследования в горно-лесном регионе Северного, Среднего и Южного Зауралья осуществлялись несколькими научными группами, возглавляемыми А. Ф. Шориным, В. Д. Викторовой, Н. М. Чаиркиной, В. Н. Широковым. Эти исследования ориентированы на изучение проблем культурогенеза и этногенеза народов уральской языковой семьи в их взаимодействии на ранних этапах первобытной истории с индоевропейскими этносами, а на поздних — с тюркоязычными. Выводы и реконструкции данных процессов базируются на анализе различных аспектов развития материальной и духовной культуры древних обществ, которое прослеживается на материалах археологических памятников, прежде всего средне- и верхнепалеолитических стоянок первоначального этапа заселения Урала, памятников с наскальной росписью в пещерах и на открытых скальных плоскостях, уникальных стоянок в торфе, культовых комплексов разного типа.

Исследование первоначального этапа заселения Урала осуществляется в тесном сотрудничестве со специалистами лаборатории исторической и популяционной экологии (рук. чл.-корр. РАН Н. Г. Смирнов) Института экологии растений и животных УрО РАН и других исследовательских центров. Междисциплинарному анализу подвергнуты материалы среднепалеолитической стоянки Богдановка на р. Урал, что позволило отнести появление человека в этом регионе Южного Урала ко времени не позднее 50 тыс. л. н. В. Н. Широковым в соавторстве с Р. Б. Волковым осуществлены плодотворные исследования и позднепалеолитических стоянок — в гроте Бобылек и Игнatieвская II — важных свидетельств ранних этапов заселения Уральского региона древними коллективами.

С эпохой позднего палеолита в южно-уральском регионе связано одно из ярчайших явлений раннего этапа становления человеческой истории — зарождение первобытного искусства в форме наскальной росписи пещер.

Горный Урал, наряду с франко-кантабрийским регионом юга Западной Европы, один из немногих мировых центров появления этого вида творческой деятельности. С международным участием исследуются Игнatieвская и Серпиевская 2 пещеры. Возраст реалистических изображений животных «мамонтовой» фауны и символических композиций из различных геометрических и линейных фигур и знаков, которые нанесены красной (охра) и черной (уголь) краской, определяется временем конца плейстоцена в пределах 10–17 тыс. л. н.² Эти пещеры — не только центры становления изобразительного творчества, но и сложные ритуально-культовые комплексы — святилища, где производились важнейшие обряды календарного и жизненного цикла членов первобытного коллектива, например обряды инициации. В наскальных композициях запечатлены мифы и культовые воззрения, а также те рациональные знания об окружающем мире, с помощью которых люди древнекаменного века пытались строить свои отношения с ним. В этом смысле искусство палеолита подобно первой письменности, где роль букв играют изображения.

Традиция наскальной росписи продолжается в горно-уральском регионе и в последующую эпоху голоцена, вплоть до российской колонизации края, но только из полостей пещер она выходит на открытые скальные плоскости берегов рек, реке — озер, и охватывает горную часть уже по обе стороны хребта не только Южного, но и Среднего и Северного Урала. Изображения (писаницы) носят более условный, знаковый, характер, хотя их мифоритуальная и промысловая функции также очевидны и приоритетны; на первое место среди изображений выходят главные объекты охоты и в то же время символы космологического мира и ритуальной практики — лось, олень, косуля, медведь, водоплавающие птицы, а также антропоморфные изображения и сам человек.³ Календарная символика и охотничье-промысловые культы, отраженные в писаницах, перекликаются с образом жизни, обрядами и шаманской идеологией современных коренных народов Урала: манси, хантов, удмуртов. Это само по себе яркое свидетель-

¹ Институт истории и археологии. Первое десятилетие. Екатеринбург, 1998; Викторова В. Д., Чаиркина Н. М., Шорин А. Ф. Отдел археологии и этнографии Института истории и археологии Уральского отделения РАН. 1989–1999 гг.: препринт. Екатеринбург, 1999. Институт истории и археологии Уральского отделения РАН: 20 лет научного поиска. Екатеринбург, 2007. С. 15–29, 95–124.

² См.: Ščelinskij V. E., Širokov V. N. Höhlenmalerei im Ural. Karpova und Ignatievskaja. Die altsteinzeitlichen Bilderhöhlen im Südlichen Ural. Sigmaringen, 1999.

³ См.: Широков В. Н. Уральские писаницы. Южный Урал. Екатеринбург, 2009; Широков В. Н., Чаиркин С. Е. Наскальные изображения Северного и Среднего Урала. Екатеринбург, 2011.

ство неразрывной связи далеких эпох и современности в непрерывном течении времени.

Особенности культовых комплексов, календарно-ритуальной обрядности и практики населения Уральского региона в неолитическую эпоху (V–IV тыс. до н. э.) наглядно проявляются в материалах археологических памятников уникального для Северной Евразии типа — «жертвенных холмов» или «чудских (богатых) бугров». Эти немногочисленные (их не более 10) искусственные насыпные сооружения диаметром до 40–50 м и высотой 2–3 м обнаружены только в узлокальном регионе восточного склона Среднего Урала, севернее широты Нижнего Тагила, и в Кондинском бассейне левобережья Оби, что само по себе ставит эти памятники в ряд редчайших объектов древней истории. Коллективом научных сотрудников под руководством А. Ф. Шорина с 1995 г. исследуется один из таких «богатых бугров» — Кокшаровский холм. Это святилище было центром притяжения первобытных коллективов широкого региона. В его культурных слоях отмечены все типы неолитической керамики (кошкинский, козловский, басыновский, полуденский), известные не только в Среднем и Южном Зауралье, но и на прилегающих территориях Тюменского и Курганского Притоболья. Таким образом, этот холм является опорным памятником для культурно-хронологических построений всей неолитической эпохи таежной и лесостепной зоны Урало-Западносибирского региона. В нем сохранились остатки деревянных сооружений для жертвоприношений-прикладов, аналоги которым можно усматривать в современных культовых сооружениях манси, хантов, удмуртов, таких как сумьяхи, хижины духов, куала. Кокшаровский холм содержит самую представительную в мире коллекцию культовых сосудов с зооморфными налестками, а также другие категории ритуальных предметов: каменные стержни с насечками, керамические шарики, сферы или конусы, «утюжки». Они, наоборот, хотя и единичны, но встречаются в других, нередко очень удаленных от Урала, регионах Евразии: на Ближнем Востоке, в Передней Азии, на Балканах, в Придунавье, на Украине, в Поволжье, Западной Сибири, на Дальнем Востоке. Это свидетельствует об органическом включении древних уральцев в прямые и опосредованные связи культурного пространства Евразии, где Уральский регион вовсе не выглядит периферией и отсталой провинцией.

Тематика археологических исследований в регионе горно-лесного Зауралья дополняется раскопками памятников в торфе на территории Шигирского, Горбуновского и Карасьеозерского торфяников, осуществляемыми под руководством Н. М. Чаиркиной. Стоянки этих торфяников содержат уникальные бытовые и культовые артефакты из органических материалов — кости, дерева и др. Среди них деревянные идолы, один из которых — Шигирский — самый большой (высота 5,3 м) и древний (8–9 тыс. л. н.) в мире, скульптурки лося, водоплавающих птиц, полозья саней, фрагменты лодок, весел, рыболовных снастей и принадлежностей. Экспонирование таких предметов составило бы честь любому музею международного уровня. Сотрудники Отделения археологии и этнографии проводят комплексные междисциплинарные палеогеографические и культурно-исторические изыскания на территории торфомассивов, в том числе Шигирского и Горбуновского. Это позволяет реконструировать первоначальные этапы заселения микрорайона в эпоху мезолита (в VII тыс. до н. э.), а также процессы формирования, развития и зарастания торфомассивов. На основе полученных материалов уточнена культурно-хронологическая специфика и система расселения энеолитического населения по берегам древних озер. Анализируются особенности проявления культовой практики древних уральцев в энеолитическое время.⁴

Изучение духовной культуры и культовой практики древних обществ Урала сопровождалось теоретическими изысканиями в данной и других областях археологического знания.⁵ Опубликованы основные культовые комплексы региона, дано монографическое описание ряда археологических культур эпохи энеолита, бронзового века и средневековья.⁶

Специалисты Института выступили консультантами научно-популярных фильмов

⁴ См.: Археологические памятники Шигирского торфяника. Екатеринбург, 2001; Чаиркина Н. М. Погребальные комплексы эпохи энеолита и раннего железного века Зауралья (по материалам погребально-культовой площадки Скворцовская гора V). Екатеринбург, 2011.

⁵ См.: Викторова В. Д., Кемеров В. Е. Научный поиск в археологии. Свердловск, 1989.

⁶ Обьденнов М. Ф., Шорин А. Ф. Археологические культуры бронзового века древних уральцев (черкаскульская и межовская культуры). Екатеринбург, 1995; Культовые памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург, 2004; Чаиркина Н. М. Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург, 2005; Викторова В. Д. Древние угры в лесах Урала (страницы ранней истории манси). Екатеринбург, 2008.

«Палеолитические фрески Игнатиевской пещеры» и «Шигирские древности». Оказана консультационная помощь Баварскому телевидению при проведении в 2004 г. съемок в Каповой и Игнатиевской пещерах в рамках телевизионного проекта «Культура и искусство Восточной Европы в каменном веке». Творческой группой, состоящей из сотрудников ИИиА УрО РАН, УрГГУ и СОКМ, под руководством В. Д. Викторовой, Э. Ф. Емлина и С. Н. Паниной было подготовлено научное обоснование проекта историко-ландшафтного парка «Истоки Исети», в задачи которого входит охрана памятников природы и истории, создание археологического музея под открытым небом и минералогического заказника и осуществление на их базе научно-исследовательских, учебных и просветительских программ. В 1992 г. проект удостоен серебряной медали ВДНХ. К сожалению, его реализация — создание парка как уникального историко-природного объекта на территории России — отложена на неопределенный срок.

Обсуждаемые научные проблемы являются «достоянием» не только ученых-археологов. Новые взгляды на вопросы первобытной истории активно вводятся в вузовский учебный процесс. Так, А. Ф. Шориным опубликованы учебные пособия к спецкурсам «Энеолитические культуры Урала и сопредельных территорий» (Екатеринбург, 1999) и — в соавторстве с М. Ф. Обыденновым — «Черкаскульская культура» (Уфа, 2005).

Южноуральское направление исследований (координатор Л. Н. Корякова) концентрирует свои усилия на проблемах соотношения региональных и глобальных исторических процессов и многообразия развития социокультурных систем от каменного века до средневековья. Источниковой базой этих исследований являются археологические памятники лесостепной и степной зоны Урала и сопредельных территорий. В сфере интересов этого направления находятся процессы культурогенеза каменного века и энеолита региона; становление и развитие комплексных обществ в контактных регионах Южного Урала и Зауралья в эпоху бронзы; кочевые и полукочевые общества Зауралья и Западной Сибири в раннем железном веке; полевая антропология и др. Работы проводятся при активном участии специалистов Национального центра научных исследований Франции (университеты Рейна и Бордо), университета им. Гете (Франкфурт-

на-Майне) и др. Поддерживаются активные творческие контакты на уровне междисциплинарных исследований с рядом академических и вузовских центров России, а также с университетами Великобритании, Испании, Польши, Венгрии, Казахстана и др.

Изучение материальной культуры в неолите–энеолите, а также реконструкцию этапов становления металлургии, этнокультурных и культурно-исторических процессов в каменном, бронзовом, раннем железном веке и в эпоху средневековья на материалах юга горно-лесной, лесостепной и степной зоны Южного Урала сначала осуществляли сотрудники вузовско-академической лаборатории, а в настоящее время — Южно-Уральского филиала Института. Ими подготовлен в рамках научной серии «Этногенез уральских народов» обобщающий труд по древней истории региона;⁷ разработана схема процесса культурогенеза региона в целом;⁸ рассмотрены особенности материальной культуры и этапы культурогенеза кочевых союзов племен Евразии I тыс. до н. э. — I тыс. н. э.;⁹ проведено плодотворное исследование использования различных пород камня на ранних этапах развития общества, особенностей керамических комплексов энеолитической эпохи, выявлен и обоснован один из вариантов адаптации населения Южного Урала в неолите–энеолите.¹⁰

Объектом российско-германских междисциплинарных исследований (совместно с такими институтами УрО РАН, как Институт экологии растений и животных, Институт геофизики и др.) являются укрепленные поселения Южного Зауралья эпохи средней бронзы (конца III — начала II тыс. до н. э.). Эти исследования кардинально расширили тематику работ и методологию решения тех проблем, что были поставлены в археологии степей центра Евразии еще в 1970-е — начале 2000-х гг. в ходе изучения поселений и могильников Синташта

⁷ Древняя история Южного Зауралья: в 2 т. Челябинск, 2000.

⁸ Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза) / В. С. Мосин, С. А. Григорьев [и др.]. Челябинск, 2006.

⁹ Боталов С. Г., Гуцалов С. Ю. Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 2000; Боталов С. Г., Таиров А. Д., Любчанский И. Э. Курганы с «усами» Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 2006; Боталов С. Г. Гунны и тюрки. Челябинск, 2009.

¹⁰ См.: Мосин В. С. Энеолитическая керамика Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 2003; Мосин В. С., Никольский В. Ю. Кремень и яшма в материальной культуре населения каменного века Южного Урала. Екатеринбург, 2008; Мосин В. С. Стоянка Шатанов 3 на озере Иртыш. Челябинск, 2011.

и Аркаим.¹¹ В последнее десятилетие в центре внимания археологов оказался комплекс поселений и могильников в урочище Каменный Амбар в долине р. Карагайлы-Аят в Карталинском районе Челябинской области. Анализ материалов, полученных как археологическими, палеоэкологическими методами (фитолитный, палинологический, археоботанический, археозоологический, почвенный анализ образцов), так и с использованием неразрушающих методов (магнитометрии, геодезии, аэрофотосъемки), существенно расширил перспективы исследования этой тематики, позволил не только реконструировать сложные археолого-исторические процессы, протекавшие в этой зоне Евразии, но и раскрыть те геологические и экологические ресурсы территории, которые успешно освоило население в конце III — первой четверти II тыс. до н. э.

На основе Web-технологий разработана функциональная модель системы информационного обеспечения междисциплинарных исследований в области археологии. Монографические исследования сотрудников, опубликованные как в России, так и в европейских научных центрах, раскрывают роль южно-уральского населения эпохи средней бронзы в сложных процессах культурно- и этногенеза, обосновывают модель социального развития обществ Евразии во II—I тыс. до н. э.¹²

В рамках анализа проблемы культурной вариативности, активно обсуждаемой в отечественной и зарубежной эволюционной археологии, обоснован вывод о том, что смена археологических культур далеко не всегда связана со сменой населения. В ряде случаев определяющую роль играла смена механизмов культурной наследственности. Установлено, что наиболее наглядно культурная вариативность реализована в памятниках абашевско-синташтинского и срубно-андроновского типа. Культурные образования финала бронзового века демонстрируют меньшую степень разнообразия. Показано, что срубно-андроновская фаза характеризуется плавным эволюционным

развитием, в котором социальная неоднородность не отражается в материальной культуре. Результаты исследований по данному направлению содержатся в коллективной монографии «Monuments, Metals and Mobility: Trajectories of Complexity in the Late Prehistoric Eurasian Steppe» (Cambridge, 2009), написанной с участием А. В. Епимахова, Л. Н. Коряковой.

Программа российско-французских исследований (с участием центра научных исследований Франции, Института экологии растений и животных УрО РАН и Уральского государственного университета) реализована научной группой под руководством Л. Н. Коряковой на материалах урало-западносибирских памятников лесостепи раннего железного века (Павлиновское, Баитовское городища, Гаевский, Большеказакбаевский могильники и др.). Они отражают начальные этапы становления предгосударственных отношений («системы вожества») в рамках общих тенденций развития скотоводческих обществ Северной Евразии. Методологической основой этих работ являлся комплексный междисциплинарный подход. Он включает как традиционные археологические методы (археологическое обследование и раскопки опорных памятников, сравнительно-исторический, типологический), так и методы естественных наук, а также методы электронной обработки материала.

Скорректирована относительная хронология носилово-баитовских, гороховских, саргатско-кашинских древностей. Обоснована безусловная связь и синхронное развитие в русле генеральных тенденций общеисторического развития угорских племен юга лесной и лесостепной зоны Зауралья и индоиранских племен скифо-сарматского круга культур Евразии, рассмотрено вовлечение лесных и степных племен в многосторонние и взаимовыгодные связи единого евразийского культурного мира, включающего ранние среднеазиатские, ближневосточные, кавказские и южноевропейские цивилизации. Сформулирована гипотеза о циклическом характере социального процесса в эпоху бронзы — железного века с постепенным территориальным распространением элементов сложных обществ. Анализ погребальных памятников подтвердил высокий уровень социальной стратификации и военизированной саргатского общества. Предложена гипотеза существования символически-ритуальной монополии элиты не только на предметы роскоши, но и на заимствования престижных нов-

¹¹ См.: Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Ч. 1. Челябинск, 1992.

¹² См.: Епимахов А. В. Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Кн. 1. Челябинск, 2005; Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Кн. 1 / сост. Д. Г. Зданович. Челябинск, 2002; Koryakova L. N., Epimakhov A. V. The Urals and Western Siberia in the Bronze and Iron Ages. Cambridge, 2007.

шесть. Изучено стилистическое разнообразие керамики раннего железного века Зауралья, а также иные средства, которые позволяли индивидам создавать и выражать свою идентичность (отдельные элементы архитектуры, предметы импорта, комбинация различных видов оружия и украшений, визуальная символика, специфические маркеры статуса женских погребений и т. п.). На основе анализа биологических маркеров внутри населения саргатской культуры выявлены группы с различными антропологическими признаками, характеризующими двигательную активность. В системе питания этого населения также обнаружены особенности, обусловленные социальным статусом. Построена хронологическая шкала историко-культурных горизонтов (далее — ИКГ) и стадий с VI–IV вв. до н. э. по XIII–XIV вв. н. э. для памятников раннего железного века данного региона. Выделены черты преемственности и трансформации переходных этапов от саргатско-кашинской (IV–I вв. до н. э.) к саргатско-прыговской (I–IV вв.) стадии; от Прыговского к Бакальскому ИКГ (IV–VI вв.) и от Бакальского к Петрогромско-Юдинскому ИКГ (VIII–XIV вв.).

На базе Зауральской экспедиции были организованы летние международные школы, в которых приняли участие студенты Франции, США и Италии. Результаты работ нашли отражение в монографиях,¹³ ряде статей в отечественных и зарубежных изданиях.

Еще одно направление исследований Отделения археологии и этнографии Института можно определить как «североведческое» (координатор — А. В. Головнёв). Оно сосредоточено на переосмыслении роли Севера в российской истории, при этом Север рассматривается не как мерзлотная окраина, а как макрорегион со своими особенностями формирования и развития культур. Исследования в рамках этого направления осуществляются совместными усилиями археологов и этнографов сектора этноистории и Пермского филиала ИиИА УрО РАН в содружестве с коллегами из других научных центров России и зарубежья, в том числе со специалистами естественнонаучного

профиля. Основные направления исследований — феноменология культур, мифология, ритуалы, социальная структура, этноэкология, этническая история, межкультурное взаимодействие народов Северной Евразии; этнические аспекты колонизации северных территорий Прикамья, Урала и Западной Сибири; визуальная антропология.

В 1990-е — начале 2000-х гг. совместные усилия археологов, этнографов и палеоэкологов (Институт экологии растений и животных УрО РАН), работающих в этом направлении, были сосредоточены на изучении проблем культурологии самодийских и угорских народов, в том числе населяющих арктическую зону. В центре внимания были вопросы генезиса коренных народов Севера Зауралья и Западной Сибири; сравнительный анализ систем адаптации древних и традиционных обществ Ямальской тундры и аналогичных процессов, протекавших в тундрах Евразии и Северной Америки; вопросы происхождения основных типов хозяйств у народов Севера, в частности формирования тундрового оленеводства. Было удревлено время одомашнения северного оленя, по крайней мере на тысячу лет, до середины I в. до н. э. Раскрыты механизмы сохранения традиционной культуры народов Северо-Западной Сибири, что затрагивает общемировые проблемы адаптации народов циркумполярных территорий, начиная с каменного века, к суровым условиям арктической и субарктической зоны. Результаты этих исследований нашли отражение в научно-популярных и монографических работах,¹⁴ а также в выставке, которая была представлена на Биеннале-97 в Красноярске (удостоена 2-го места на международном конкурсе), и в большой экспозиции, посвященной культурам циркумполярной зоны мира, в том числе Ямала, представленной в Бонне (декабрь 1997 г.). Сотрудники проекта приняли участие в работе международных совещаний: финно-угорского конгресса (Венгрия), I конгресса Арктических социальных исследований (Канада), конференции Приполярных университетов (Финляндия), совещания по проблемам взаимоотношения кочевых и оседлых цивили-

¹³ Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. Екатеринбург, 1997; Habitats et nécropoles de l'Age du Fer au carrefour de l'Eurasie. Paris, 2002; Среда, культура и общество лесостепного Зауралья во второй половине I тыс. до н. э. (по материалам Павлиновского археологического комплекса). Екатеринбург; Сургут, 2009; Ражев Д. И. Биоантропология населения саргатской общности. Екатеринбург, 2009; Берсенева Н. А. Социальная археология: возраст, гендер, статус в погребениях саргатской культуры. Екатеринбург, 2011.

¹⁴ Головнёв А. В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск, 1993; Он же. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995; Ушедшие в холмы. Культура населения побережий северо-западного Ямала в железном веке. Екатеринбург, 1998; Golovnev A., Osherenko G. Siberian Survival: The Nenets and Their Story. New York, 1999.

заций (г. Алма-Ата), симпозиума «Уральская мифология» (г. Сыктывкар), — а также в акции ЮНЕСКО «Шелковый путь — путь диалога». По заданию Администрации Тюменской области и Госкомитета РФ по вопросам развития Севера разрабатывались программы «Социокультурное развитие Тюменской области» и «Исторический опыт развития национально-территориальных образований Российской Федерации (культурологический аспект)». Под руководством А. В. Головнёва сняты научно-популярные фильмы о коренных народах Севера России. Некоторые из них — «Дорога Татвы», «Боги Ямала», «Легенда о сихиртя» — представлялись на международных кинофестивалях в Оберхаузене, Лейпциге, Геттингене (Германия, 1993–1994), в Москве (1994) и др.

В 2000-е гг. в рамках североведческого направления была расширена география и тематика исследований по этнографии и археологии, прежде всего в трансуральском секторе. Секторальные проекты дополнялись региональными и общеакадемическими, а также участием научных сотрудников в серии международных проектов.¹⁵ Полевые работы охватили пространство Северной Евразии от Скандинавии до Чукотки. Этнографические исследования и съемки антропологических фильмов проходили среди русских поморов, коми-зырян, саамов, ненцев, хантов, манси, селькупов, энцев, сибирских и уральских татар, башкир, русских старожилов Урала и Сибири, эвенков, якутов, чукчей, представителей ряда диаспор Уральского региона (цыганской, таджикской, польской, эстонской на территории Пермского края). Общим их итогом, помимо накопления эмпирических данных, стала разработка концептуальных подходов и инструментальных методик в изучении культур и народов Северной Евразии, их мифологии, сценариев этногенеза и политогенеза, феноменологии элементов и комплексов конкретных культур.¹⁶

¹⁵ «Tracing Cultural Change in Northwest Siberia» (зарубежный соисполнитель Institute of Arctic Studies, Dartmouth College, USA); «The Living Yamal» (Smithsonian Institute, USA); «Social and Cultural Impact Assessment on Indigenous Peoples of Expanded Use of the Northern Sea Route» (Fridtjof Nansen Institute, Norway; Institute of Arctic Studies, Dartmouth College, USA); «Panorama of Arctic Cultures» (Arctic Centre, Lapland University, Finland); «Contemporary Issues in the Circumpolar World» (University of the Arctic).

¹⁶ См.: Головнёв А. В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург, 2004; Первалова Е. В. Северные ханты: этническая история. Екатеринбург, 2004; Первалова Е. В., Карачаров К. Г. Река Аган и ее обитатели. Екатеринбург; Ниж-

невартовск, 2006; Черных А. В. Традиционный календарь народов Прикамья в конце XIX — начале XX века. Пермь, 2002; Он же. Этносоциальные процессы в таджикской диаспоре Пермского края на современном этапе. Пермь, 2006; Он же. Русский народный календарь в Прикамье. Праздники и обряды конца XIX — середины XX в.: в 3 ч. Ч. 1: Весна, лето, осень. Пермь, 2006; Ч. 2: Зима. Пермь, 2007; Ч. 3: Словарь хрононимов. Пермь, 2009; Поляки в Пермском крае: очерки истории и этнографии. СПб., 2009; Эстонцы в Пермском крае: очерки истории и этнографии. СПб., 2009.

Безусловным достижением стала разработка новой методологии — антропологии движения, — осуществленная А. В. Головнёвым. Эта методология открывает ракурс изучения и мониторинга развития человека и общества в категориях действия, динамики и статике, мотивационно-деятельностных схем. Этот подход позволяет по-новому рассмотреть целый ряд ключевых событий в истории Евразии от палеолита до средневековья, соотношение персональных мотиваций и социальных явлений в сценариях развития древних обществ, в том числе викингов, монголов, руси.¹⁷ Данное направление исследований вызвало заинтересованную реакцию академического сообщества.¹⁸

Неподдельный интерес проявили специалисты и к организованной А. В. Головнёвым и З. П. Соколовой (ИЭА РАН) дискуссии по теме «Этничность: устойчивость и изменчивость (опыт Севера)» в специальном номере журнала «Этнографическое обозрение» (2012. № 2). По-прежнему в 2000-е гг. в центре внимания оставалось комплексное теоретико-методологическое, конкретно-историческое исследование феномена колонизации. Показано, что колонизация как праисторическая и историческая универсалия отлична от колониализма как негативно окрашенной идеологии. Доказана глубокая древность колонизации как процесса распространения жизни на планете; рассмотрено сочетание биоэкологических и социальных факторов колонизации, многообразие ее стилей и моделей в истории различных регионов и народов, в частности в освоении русскими пространств Севера, Великой степи, Урала, Сибири. Исследованиями А. М. Белавина и Н. Б. Крыловой показано значение сети коммуникаций, прежде всего торговых путей, в межэтни-

невартговск, 2006; Черных А. В. Традиционный календарь народов Прикамья в конце XIX — начале XX века. Пермь, 2002; Он же. Этносоциальные процессы в таджикской диаспоре Пермского края на современном этапе. Пермь, 2006; Он же. Русский народный календарь в Прикамье. Праздники и обряды конца XIX — середины XX в.: в 3 ч. Ч. 1: Весна, лето, осень. Пермь, 2006; Ч. 2: Зима. Пермь, 2007; Ч. 3: Словарь хрононимов. Пермь, 2009; Поляки в Пермском крае: очерки истории и этнографии. СПб., 2009; Эстонцы в Пермском крае: очерки истории и этнографии. СПб., 2009.

¹⁷ Головнёв А. В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург, 2009.

¹⁸ Доклад А. В. Головнёва «Антропология движения: историческая методология и гуманитарная технология» на Президиуме РАН 26 октября 2010 г.; Тишков В. А. Движение как феномен истории культуры // Вестн. РАН. 2010. Т. 80, № 10. С. 947–950.

ческих и межгосударственных отношениях в центре Северной Евразии, отмечена устойчивость чрезуральских связей в системе отношений финно-пермско-угорского сообщества, сложность этнокультурного баланса на грани двух культурных миров средневековья — леса и степи.¹⁹ Осуществлена также реконструкция уклада жизни средневекового населения Пермского Предуралья в рамках относительно нового направления исследований — праистории (археологии) повседневности.²⁰ Ряд сюжетов исторической повседневности (с использованием археологических данных) рассмотрен в работах П. А. Корчагина, посвященных городам Урала.²¹

Исследования А. П. Зыкова и С. Ф. Кокшарова, соотнесенные с героическим эпосом угров, позволили реконструировать облик урало-сибирских княжеств дорусской эпохи в Северном Приобье, подытожив длившиеся десятилетиями дебаты историков и этнографов относительно «остяко-вогульского феодализма». Остатки Ендырского I городища, соотнесенные с былинным городом Эмдером — столицей одноименного остяцкого княжества, стали полигоном для апробации ряда специальных методик и моделью для дальнейшего изучения круга сопоставимых по времени и значению памятников севера Западной Сибири — Малого и Большого Атлыма, Самарово и др.²² Подведены итоги изучения и памятников эпохи энеолита севера Западной Сибири.²³

В Нижнем Приобье раскопки Н. В. Федоровой Усть-Войкарского городища и памятника Усть-Полуй дали богатый материал по архитектуре, военному делу, мировоззрению древнего населения. Но особенно впечатляющими оказались находки из средневекового могильника Зеленый Яр, где были обнаружены мумифицированные останки взрослых и детей. Комплексный анализ артефактов, в том числе молекулярно-генетический анализ мумифицированных останков, указал, в числе

прочего, на выразительность европеоидных/уралоидных черт в Северной Азии задолго до российской колонизации. Тем самым была существенно обновлена источниковая база уралоистики и заданы новые ракурсы в изучении механизмов культурной и биологической адаптации человека на Севере.²⁴

Наряду с фундаментальными исследованиями, североведческая группа осуществила ряд успешных междисциплинарных и прикладных проектов, менеджмент научно-организационных мероприятий. Дальнейшее развитие получила новая форма «публикации» этнографических знаний — антропологическое кино, развивающееся как самостоятельное направление на стыке искусства и науки. В апреле 2009 г. Екатеринбург стал площадкой Международного форума «Многонациональная Россия: этнология и киноантропология».

Не менее эффективной и социально значимой формой визуально-антропологической «публикации» представляется музейная экспозиция: А. В. Головнёв, Е. В. Первалова и С. В. Лёзова воплотили проект постоянной экспозиции «Связь времен» Музея природы и человека Ханты-Мансийска; А. П. Зыков и С. Ф. Кокшаров — проект музеефикации археологического памятника Эмдер; Н. В. Федорова — проект создания экспозиции Окружного музейно-выставочного комплекса Салехарда. По заданию Департамента по коренным малочисленным народам Севера и Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры на территории округа проведена серия этнологических экспертиз культовых объектов.

Международное признание глобальности североведческих проблем и роли уральской археологической и этнографической школы в их решении закреплено статусными международными научными форумами, такими как I–IV Сибирский симпозиум (Тобольск 1998–2001), I–IV Северный исследовательский форум (Исландия 2000, Великий Новгород 2002, Канада 2004, Финляндия–Швеция 2006), I–VIII Российский фестиваль антропологических фильмов (Салехард 1998, 2000, 2002, 2004, 2006, 2008; Екатеринбург 2011, 2013), в организации и проведении которых большую роль играют сотрудники Института истории и археологии УрО РАН.

¹⁹ Белафин А. М. Камский торговый путь. Пермь, 2000; Крыласова Н. Б., Иванов В. А. Взаимодействие леса и степи Урало-Поволжья в эпоху средневековья. Пермь, 2006; Они же. Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа, 2010; Белафин А. М., Крыласова Н. Б. Огурдинский могильник. Пермь, 2012.

²⁰ Крыласова Н. Б. Археология повседневности: материальная культура средневекового Предуралья. Пермь, 2007.

²¹ Корчагин П. А. Губернская столица. Пермь, 2006; Он же. Пермское общество: губернская эпоха. Пермь, 2009.

²² См.: Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Древний Эмдер. Екатеринбург, 2001.

²³ См.: Кокшаров С. Ф. Памятники энеолита севера Западной Сибири. Екатеринбург, 2009.

²⁴ См.: Зеленый Яр: археологический комплекс эпохи средневековья в Северном Приобье. Екатеринбург; Салехард, 2005.

Особое место среди этих научных мероприятий принадлежит международному Северному археологическому конгрессу, подготовку и проведение которого в г. Ханты-Мансийске Институт осуществляет совместно с Правительством Ханты-Мансийского автономного округа — Югра (I — сентябрь 2002 г.,²⁵ II — сентябрь 2006 г.,²⁶ III — ноябрь 2010 г., совместно с Институтом археологии и этнографии СО РАН и Институтом археологии РАН²⁷). В работе этих конгрессов участвовали представители всех ведущих научных центров Евразии и Северной Америки, осуществляющие исследования по циркумполярной и субарктической тематике (из Канады, США, Норвегии, Швеции, Финляндии, Эстонии, Германии, Франции, Венгрии, Казахстана, Японии и других стран, а также более чем из 70 научных центров РФ). Целью конгрессов является актуализация наиболее значимых достижений и перспектив в изучении и сохранении объектов археологии Севера, переосмысление роли северных культур в праистории планеты. Повышенное внимание в дискуссиях уделяется методологии социокультурных и геополитических интерпретаций в праистории, переосмыслению феномена археологического знания в контексте сегодняшних ценностей, концепций, баз данных, информационных технологий, а также роли археологии как ресурса современной культуры. Подобный масштаб обсуждения насущных проблем позволил выйти на уровень палеосоциологических и геополитических обобщений, отражающих состояние и тенденции развития северной археологии в трансконтинентальном аспекте. Участники конгрессов были единодушны во мнении об эффективности этих научных форумов, формат которых позволяет вырабатывать

²⁵ Северный археологический конгресс: докл. 9–14 сентября 2002 г. Ханты-Мансийск. Екатеринбург, 2002; Северный археологический конгресс: тез. докл. 9–14 сентября 2002 г. Ханты-Мансийск. Екатеринбург, 2002; Головнёв А. В., Зыков А. П., Шорин А. Ф. Северный археологический конгресс // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 2 (18). С. 145–150.

²⁶ II Северный археологический конгресс: докл. 24–30 сентября 2006 г. Ханты-Мансийск. Екатеринбург, 2006; II Северный археологический конгресс: тез. докл. 24–30 сентября 2006 г. Ханты-Мансийск. Екатеринбург, 2006; Головнёв А. В., Шорин А. Ф. II международный Северный археологический конгресс // Урал. ист. вестн. 2007. № 15. С. 115–117.

²⁷ III Северный археологический конгресс: докл. 8–13 ноября 2010 г. Ханты-Мансийск. Екатеринбург, 2010; III Северный археологический конгресс: тез. докл. 8–13 ноября 2010 г. Ханты-Мансийск. Екатеринбург, 2010; Головнёв А. В., Шорин А. Ф. III международный Северный археологический конгресс // Урал. ист. вестн. 2011. № 1 (30). С. 141–144.

магистральные направления в изучении древней истории северного полушария на основе свободного обмена информацией, идеями и методами. Международный статус Конгресса способствует органичной интеграции российской археологии в мировой научный процесс, активизации работы органов государственной власти и местного самоуправления в области сохранения, использования и охраны археологического наследия.

Полевые отряды Археолого-этнографической экспедиции Института (начальник А. Ф. Шорин) ежегодно начиная с 1989 г. ведут исследования на обширной территории по обе стороны Уральского хребта и прилегающих регионов Волго-Камского междуречья и Западной Сибири, от Ямальской тундры до степей Казахстана. Госбюджетными и хоздоговорными отрядами экспедиции исследованы археологическими разведками на предмет выявления памятников археологии тысячи километров автомобильных дорог, путепроводов и другие объекты строительства. Стационарными раскопками изучено несколько десятков археологических памятников. В результате создан уникальный фонд артефактов более чем со 100 археологических памятников, насчитывающий свыше 500 тысяч единиц хранения, а также фонд фото-, видео- и киноматериалов по археологии и этнографии. Это собрание древностей включает уникальные артефакты и комплексы предметов, свидетельствующие о неповторимой и многообразной материальной и духовной жизни населения Урала и сопредельных территорий от эпохи среднего палеолита (50 тыс. л. н.) до эпохи позднего железного века (XVII–XVIII вв.). Археологические коллекции Института неоднократно выставлялись в музеях и выставочных комплексах Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Ханты-Мансийска, Салехарда, Сургута, Красноярска и других городов РФ, а также за рубежом (например, в Бонне, Германия); часть артефактов передана на хранение в областные и окружные музеи урало-западносибирского региона.

Итогом 25-летней работы археологов и этнографов Института истории и археологии УрО РАН стала публикация около 90 монографий, в том числе за рубежом, более 40 учебных пособий, препринтов, красочных альбомов, сборников статей и материалов конференций.